

А. Я. СЫРКИН

**СВЕДЕНИЯ „ДИГЕНИСА АКРИТА“ О ВИЗАНТИЙСКОМ БЫТЕ
И ПАМЯТНИКАХ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Уже самое беглое ознакомление с эпосом о Дигенисе Акрите показывает, что поэма эта содержит немало сведений о византийской жизни, быте, предметах материальной культуры. Следует, однако, иметь в виду, что отнюдь не все такие данные можно отнести к периоду, когда складывался византийский эпос, т. е. к IX—XI вв.¹ Отдельные свидетельства отражают уже обстановку, в которой создавались более поздние редакции поэмы (XII—XIV вв.). Многие описания, как будет сказано ниже, вообще не могут служить надежным источником для историка византийского быта — они перешли в поэму из позднеантичных текстов. В нашу задачу не входит критический анализ каждого из таких свидетельств — это чересчур усложнило бы работу и неизбежно заставило бы предпринять целый ряд самостоятельных исследований. В основном на материале ГФ² мы намереваемся лишь выделить и сопоставить друг с другом отдельные данные поэмы о различных сторонах византийской жизни, отмечая попутно как наиболее характерные для византийского быта свидетельства, так и те, которые привнесены в поэму из другой культурной среды.

Основное содержание поэмы — это описание жизни знатного византийского воина-пограничника. Соответственно почти все, за немногими исключениями, свидетельства «Дигениса Акрита» о быте относятся к обстановке, в которой жил такой воин. Восхваляя в Дигенисе отвагу и силу, воспевая его победы над врагами, поэма, естественно, содержит множество сведений о военном быте; она описывает крупные битвы, единоборства, повествует о военном искусстве героев, об их вооружении, боевых конях и т. д.

Уже с детства будущий воин обучается военному искусству. «Обучу ли я тебя владеть копьем» (διδάξω σε κοντάριον — ГФ II, 291), — так обращается эмир к своему сыну — младенцу Дигенису. С детства герой учится владеть копьем и мечом (Г 857), обучается верховой езде (ἵππηλασία — ГФ IV, 70). На своей первой охоте двенадцатилетний Дигенис показывает себя замечательным наездником — он держится в седле, «слово яблоко на дереве» (ГФ IV, 242 сл.). Поэма описывает ловкость героев, владеющих разными боевыми приемами. Таков дядя Дигениса Константин — он превосходно владеет мечом и копьем, умело прищипоривает (καταπτέρνισμα) коня (ГФ I, 150 сл., 157 сл.). Выполняя просьбу Евдокии, Дигенис,

¹ Ср. А. Я. Сыркин. Некоторые проблемы византийского эпоса. ВВ, XIX, 1961, стр. 115 сл.

² Как и в предыдущих статьях, нами приняты следующие сокращения: ГФ — Гротта-Ферратская версия памятника, Г — Трапезунтская, А — Андросская стихотворная, Э — Эскуриальская.

когда ему приходится отразить нападение ее братьев, умело кружится (ἐκὼκλευσεν) около соперников и так сбрасывает их с коней, что никого не ранит (IV, 670 сл.)³. Военную хитрость применяет по отношению к Дигенису и Филопапп — он подкрадывается к герою сбоку (ἐκ πλαγίου) и ранит его коня (VI, 509 сл.).

Поэма изобилует названиями разных видов оружия. Следует заметить, что различие между вооружением Дигениса, апелатов, арабов не проводится. Часто упоминаются меч (σπαθί — ГФ I, 147, 158; IV, 912; VI, 157 и т. д.; ξίφη — ГФ IV, 339; VI, 325), копье (χοντάρι — I, 147, 158, 164 и т. д.). При этом копье эмира названо βένετον, χροσωμένον (ГФ I, 164); копье Дигениса — κραινωαραβίτικον μετὰ χρυσοῦ διβέλλου⁴ (IV, 251); среди свадебных подарков Дигенису — два копыа κωπρίζοντα⁵, ἀραβίτικα (IV, 911); «аравийское» копье есть и у Максимо (VI, 739), а Дигенис сражается с нею «голубым» (βένετον — VI, 719). Упоминаются в поэме и копеещики (χονταράτοι) — это 3 тысячи воинов, служивших эмиру (ГФ I, 291; IV, 38); около сотни арабов, напавших в пустыне на Дигениса (V, 179); наконец, небольшое число воинов, сопровождавших императора на пути к Дигенису (δορυφόρους ἰκανούς — ГФ IV, 1006).

Весьма часто встречается в поэме неразлучная спутница Дигениса — дубинка (ραβδί — I, 148; VI, 144, 204, 224 и т. д.). При этом упоминается и особый футляр для дубинки — ραβδοβαστάχι (ГФ I, 148), а также отдельные виды этого оружия, которых в Византии было довольно много⁶: «простая» дубинка (λιθὸν ραβδίτιν — ГФ IV, 119; ср. T 2104, A 3101); ὑπόκοντα ραβδία (A 1635, 1639) — по-видимому, так называемые «апелатские» дубинки (ἀπελατίκιον)⁷, на которых герой состязается с апелатами⁸. Интересно и упоминание о каком-то «мече-дубинке» (σπαθοράβδιν — ГФ IV, 378, 645). Это, очевидно, не «меч и дубинка», а одно оружие, возможно, тождественное σπαδοβάχιον (sword-cane?) упоминаемому Константином Багрянородным⁹.

Еще одна деталь вооружения — щит (σκούταρι — ГФ IV, 928; VI, 219, 225, 232, 719, 738; χειροσκούταρι — ГФ VI, 144, 157, 205; ἄσπις — V, 189; VI, 216). Несколько более подробно описан щит Максимо, украшенный изображением орлиных крыльев (VI, 738). Все эти доспехи упоминаются примерно в схожих сочетаниях: Константин вооружен мечом, копьем и дубинкой (I, 147—148); у Дигениса — дубинка и щит (VI, 144, 157, 204—205), а при встрече с Максимо — меч, щит и копье (VI, 719); у Филопаппа и его спутников — меч и щит (VI, 216, ср. 252, 321); у Максимо — щит, копье и меч (VI, 738—739) и т. п. Упоминаются в поэме и стрелы (βέλη — ГФ IV, 338). Такое снаряжение было, в частности,

³ Схожая сцена содержится и в «Ахиллеиде» (L' Achilléide byzantine, publ. . . par D. C. Hesseling. Amsterdam, 1919, v. 540 sq.).

⁴ П. Калонарос (Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας . . . ἐκδ. ὑπὸ Π. Καλονάρου, т. II. Ἀθήναι, 1941, σελ. 44) читает διβόλου, т. е.: «с золотым обоюдоострым лезвием»; Дж. Маврогордато (Digenes Akrites. Ed. . . by J. Mavrogordato. Oxford, 1956, p. 83) переводит «with a pennon of gold». T 1025 приводит здесь характерный для арабского оружия признак: μετὰ χρυσοῦν γραμμάτων — «покрытое золотыми письменами».

⁵ Т. е., по-видимому, из меди, зеленые (ср. P. Kalonaros. Op. cit., II, p. 65). Дж. Маврогордато (op. cit., p. 129) переводит: «spring-wood spears», ссылаясь на значение κωπρίζω в Септуагинте.

⁶ Ср. P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 173.

⁷ Ibid., p. 92—93; J. Mavrogordato. Op. cit., p. 86—87.

⁸ О таких состязаниях в Византии см. Ph. Koukoullès. Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός, т. А'-Е'. Ἀθήναι, 1948—1952; т. Γ', p. 142—143.

⁹ Constantini Porphyrogeniti De ceremoniis aulae byzantinae, vol. I. Bonnae, 1829, p. 72₁₆; vol. II, 1830, p. 174—175; ср. словарь Э. Софоклиса (s. v.); J. Mavrogordato. Op. cit., p. 97.

характерно для тяжеловооруженных воинов (катафрактов)¹⁰, игравших значительную роль в византийской армии X в.¹¹

Все почти схватки в поэме происходят между всадниками, и в тексте «Дигениса Акрита» неоднократно упоминаются боевые кони. Для обозначения их поэма приводит целый ряд названий — *ἄλογος, βάδας, βούλας, δαγάλλος, δάος, μαῦρος, φάρα* и т. д.¹² Автор наделяет коней всевозможными лестными эпитетами — *γενναϊοτάτου* (I, 146; ср. VI, 735); *ἐπίλεκτα* (II, 94); *εὐθειον καὶ κομιδῆ γενναῖον* (II, 294) и т. д. Конь эмира, кажется, не ступает, а летит по земле (I, 170); когда эмир возвращается к жене из Сирии, то кони словно разделяют всеобщую радость (III, 327). Упоминается в поэме и один из диких необъезженных (*ἀγροικῶν ἀδαμάστων* — IV, 1055) коней, которого Дигенис укрощает на глазах императора. Описывается убранство коня: конь Дигениса белоснежен, словно голубка, чолка его украшена драгоценностями и золотыми бубенчиками, седло и уздечка (*σελλοχάλινον*) снабжены золотыми скрепками (*χρυσῶν σφερνίδων*)¹³, усеяны жемчугом; круп его покрыт зелено-розовым шелковым платком (*πράσινον, ρόδινον βλαττίν*), чтобы седло не запыхлось (*ΓΦ IV, 232 сл.*). Упоминаются и шпоры (*πτεριστήρια* — IV, 227), покрытые драгоценными камнями, отделанные золотом и рубинами. Приказывая конюшему седлать коня, Дигенис говорит ему, чтобы тот опоясал его подпругами, упряжными ремнями (*κίχλας... ἐμπροσθελίνας*)¹⁴, повесил на седло «меч-дубинку» (*σπαδορράβδιν*) и вложил коню в рот тяжелый мундштук (*βαρὺ τὸ μάσσημα*), чтобы животное быстрее поворачивалось (*ΓΦ IV, 376 сл.*). Упоминаются специальные женские седла и уздечки (*σελλοχάλινα... γυναικεῖα* — *ΓΦ IV, 791 сл.*; ср. IV, 822), отделанные золотом, украшенные жемчугом и изображениями зверей: их приготавливают родные Дигениса, встречая его невесту. Отделано золотом и седло с уздечкой на коне Максимо (*VI, 555*).

Текст поэмы изобилует различными деталями военного быта. Здесь говорится о набранных (*ἀδνομιάτας*) воинах-наемниках, получающих достойное вознаграждение от эмира, — турках, дилебитах¹⁵, арабах и др. (*ΓΦ I, 45 сл.*; ср. лат. *ad pomen*) — характерное свидетельство о составе арабского войска¹⁶. О наборе (*τὸ ἀδνούμιν*) воинов говорит Дигенис Филопаппу (*VI, 287*). Описывается сигнал для сбора воинов: предводители апелатов зажигают ночью факелы (*τὸν πυρσὸν δαδουχοῦντες* — *VI, 361 сл.*; ср. 383); к тому же условному знаку прибегает Мелимидзис, собравший таким образом около тысячи воинов (*VI, 439 сл.*), и Филопапп, созывающий воинов Иоаннакиса (*VI, 448 сл.*).

Упоминает поэма и об основной функции местных войск — защите границ. Во время похищения эмиром Ирины братья ее, дядья Дигениса, находились на границах (*ΓΦ I, 54, 64*); «Мы стратиги на границах» (*στρατηγῶι εἰς τὰς ἄκρας*), — так говорят они о себе эмиру (*I, 273*). На границах проводит почти всю свою жизнь и сам Дигенис (ср. *ΓΦ IV, 956 сл.*; *VII, 215 сл.*).

¹⁰ «Стратегика императора Никифора». Изд. Ю. Кулаковский. «Записки имп. АН. Серия ист.-фил.», т. 8, № 9. СПб., 1908, стр. 11²³, 30–35; 32–33.

¹¹ Ср. А. П. К а ж д а н. Византийская армия в IX—X веках. «УЗ Великолукского гос. пед. ин-та», 1954, стр. 20 сл.

¹² Р. Καλοναρος. *Op. cit.*, I, p. 198.

¹³ Ср. J. Μαυρογορδάτο. *Op. cit.*, p. 81.

¹⁴ См. об этом месте Р. Καλοναρος. *Op. cit.*, II, p. 49; ср. перевод Дж. Μαυρογορδάτο (*op. cit.*, p. 97).

¹⁵ См. о них: Π. Καρολίδης. Σημειώσεις κριτικαὶ ἱστορικαὶ καὶ τοπογραφικαὶ εἰς τὸ μεσαιωνικὸν ἔπος. «Ἐπιστημ. ἐπετηρὶς τοῦ ἐθν. πανεπιστημίου», 1905—1906. Ἀθήναι, σελ. 217—218; E. Nonigmann. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1935, S. 164.

¹⁶ Ср. А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита». ВВ, XVIII, 1961, стр. 149, прим. 164.

В «Дигенисе Акрите» содержатся сведения и о лагерном расположении войск — *φουσαῖα*¹⁷. Лагерь эмира расположен в страшном, труднопроходимом ущелье (*κλεισοῦραν τὴν δεινὴν*... — I, 90). В пути по ущельям воины эмира предлагают ему разбить лагерь (*ἄππλιχτα* — ГФ III, 84; ср. II, 157)¹⁸. Упоминается палатка (*τένδα* — I, 95, 309 сл.) эмира и другие палатки, находящиеся в его лагере (I, 209)¹⁹. Здесь же находятся сторожевые посты — *βίγλαι*²⁰ (I, 91); о них говорится и в дальнейшем повествовании (IV, 212). Стражу выставляют апелаты (Т 1072, 1077; ГФ VI, 397), стратиг Дука (ГФ IV, 326, 420, 596), эмир (IV, 785), воины Максимо (VI, 439); наконец, на страже стоит сам Дигенис, ожидающий нападения апелатов (VI, 476). Это тоже типичное для византийской военной жизни явление²¹. Другая характерная деталь — разведка, на которую отправляются Филопапп, Мелимидзис и Киннам (VI, 464 сл.). Упоминаются и засады (*ἐγκρόματα* — IV, 297, 302) — с их помощью стратиг Дука ловил всех пытавшихся похитить Евдокию.

Следует отметить большое число батальных сцен в поэме. О некоторых битвах говорится вкратце — в авторских отступлениях, в воспоминаниях действующих лиц (например описание подвигов Хрисоверга и Каросеа в письме матери к эмиру — ГФ II, 60 сл.). Другие битвы описываются более детально. Таковы, например, сражение Константина с эмиром (I, 171 сл.), многочисленные битвы Дигениса — с войсками и сыновьями стратига Дуки (IV, 637 сл.), с сарацином Судалисом (А 2024 сл.), с отрядом арабов (ГФ V, 178 сл.), с Анкилой (Т 2071 сл., А 3068 сл.), с отрядами апелатов (ГФ VI, 144 сл., 611 сл., 685 сл.), с Филопаппом (VI, 215 сл., 508 сл., 620 сл.), с Киннамом и Иоаннакисом (VI, 229 сл., 620 сл.), с Мелимидзисом (VI, 502 сл.), с Леандром (VI, 620 сл.), с Максимо (VI, 581 сл., 743 сл.). Здесь описываются также отдельные обычаи, связанные с битвой. Когда Константин готовится к единоборству с эмиром, старший брат умащивает его перед битвой (*ἤλειφε πρὸς ἀγῶνας* — I, 133). Выходя на бой, Константин осеняет себя со всех сторон крестным знамением (*σημεῖον τοῦ σταυροῦ φραξάμενος παντόθεν* — I, 149). Возвращаясь к жене после победы над отрядом апелатов, Дигенис отряхивает рукав (*τὸ μανίκι ἐσειον* — VI, 158; ср. Т 2048; А 3013) — здесь отразился, по-видимому, обычай, имевший целью очищение от скверны убийства²². Вступлению в бой часто предшествует молитва²³. Перед битвой с эмиром братья молятся, став лицом к востоку (I, 142); точно так же благодарят они бога после победы Константина (I, 200 сл.). На помощь всевышнего и святых воителей полагаются во время сражений и сам Дигенис. Черта эта также весьма характерна для византийского войска. Стратегика Никифора предписывает армии молиться при приближении неприятеля²⁴ и настаивает на строгом соблюдении войском религиозных обрядов; нарушение их влечет за собой дисциплинарные взыскания — публичную экзекуцию, понижение в ранге²⁵.

¹⁷ См. об этом: Ю. Кулаковский. Византийский лагерь конца X века. ВВ, X, 1903, стр. 63—90.

¹⁸ Ср. «Стратегика...», стр. 18₁₈—20₉; 39—40.

¹⁹ Там же, стр. 18₂₇₋₃₃; 39.

²⁰ Ю. Кулаковский. Указ. соч., стр. 73—74, 85—86.

²¹ «Стратегика...», стр. 19₂₈—20₉; 40.

²² D. C. Hesseling. Ἐρώτημα περὶ τῆς φράσεως «σειῶ τὰ μανίκια μου». Δ, III, 1912, σελ. 701. Ср. кипрскую редакцию песни «О сыне Армуриса» (Вуз., XIV, 1939, р. 254).

²³ Ср. А. Я. Сыркин. Социально-политические идеи эпоса о Дигенисе. ВВ, XX, 1962, стр. 140.

²⁴ «Стратегика...», стр. 15₁₈₋₂₉; 39.

²⁵ Там же, стр. 20₂₂—21₁₇; 40—41.

Согласно военному обычаю, побежденный принадлежит победителю. В таком духе обращаются к Дигенису Филопапп (VI, 278 сл.) и Максимо (VI, 770), обещающие стать слугами и помощниками героя. Но Дигенис не пользуется плодами своих побед. Обычай его — не бить лежачего. *Τὸν πεσόντα οὐδέποτε ἕδος ἔχω τοῦ χροῦειν* (ГФ VI, 266), — говорит он поверженному Киннаму. Победленных Филопаппа и Максимо он отпускает на волю, советуя им набрать воинов получше и снова встретиться с ним, если пожелают. Вообще в полном соответствии с духом X в.²⁶ поэма декларирует гуманное обращение с военнопленными. Эмир, забравший во время своего похода на Романию несчетное число пленных (I, 52), обещает освободить их вместе с Ириной (I, 124, 197) и действительно возвращает всем свободу (II, 5). Он преисполнен почтения перед похищенной им девушкой (I, 308; II, 188). Впрочем, война не обходится без зверств: многих других «благородных, прекрасных» пленниц, отказавшихся подчиниться желаниям победителей, постигла иная участь — воины эмира разрубили их на куски (I, 224 сл.). Упоминается в поэме и выкуп за пленных (ср. I, 107, 123 сл.). В результате подвигов Дигениса все пленные были освобождены и вернулись к своим семьям (VII, 217 сл.).

В «Дигенисе Акрите» отразились и некоторые другие стороны византийской жизни. Здесь, правда, вкратце, говорится о воспитании²⁷, которое получил Дигенис. С детства отец отдал его учителю (*εἰς καθ'ηγητήν* — ГФ IV, 67 сл.; *Τ* 852 сл.; *εἰς διδάσκαλον* — А 1385): мальчик три года обучался наукам (*μαθήμασι*) и усвоил множество знаний (*πλήθος ἔσχε γράμμάτων*); лишь после этого Дигениса стали обучать военному искусству.

Интересны свидетельства поэмы о свадебных обрядах, принятых у знатных византийцев. Жениха-эмира встречает большая толпа родных и слуг невесты; здесь и мать невесты — стратигисса, приготовившая все для свадебной церемонии (ГФ II, 21); войдя в дом, все они справляют пышную свадьбу (II, 29 сл.). Еще подробнее излагается история брака Дигениса и Евдокии. Полюбив девушку с первого взгляда и узнав, что стратиг Дука жестоко расправляется со всеми, кто пытается похитить его дочь (IV, 294 сл.), герой просит отца посвататься к стратигу — *τὰ μηρύσης τὸν στρατηγὸν διὰ συμπενθερίαν* (ГФ IV, 304; ср. *Τ* 1158, А 1719). Следует отметить, что термин *συμπενθερία*, обозначающий отношения между родителями жениха и невесты, употребляется и в настоящее время²⁸. Узнав об отказе стратига, герой сам похищает девушку. Похищение сопровождается характерными деталями. Девушка дает возлюбленному свое колечко (*δακτυλίδι* — ГФ IV, 364) — залог верности²⁹. Герой играет на кифаре и поет под окном любимой (IV, 425 сл.) и увозит ее лишь после взаимных клятв в верности (IV, 534—583). Восхищенный отвагой и силой Дигениса, побежденный стратиг предлагает ему огромное

²⁶ Ср. M. Carnard. Quelques «à côté» de l'histoire des relations entre Byzance et les arabes. «*Studi orientalistici in on. di G. Levi Della Vida*», I. Roma, 1956, p. 111—114. Подробнее о жизни византийских пленников см. Ph. Koukoules. *Op. cit.*, I, p. 148—183.

²⁷ Подробно о воспитании детей в Византии см. Ph. Koukoules. *Op. cit.*, I, p. 35 sq.

²⁸ Ср. P. Kalonaros. *Op. cit.*, I, p. 99.

²⁹ Колечко просит у своей жены и эмир, отправляясь в Сирию (II, 269). Мотив этот весьма распространен в византийской литературе и в фольклоре. Ср. «Имберий и Маргарона» (*Collection des romans grecs en langue vulgaire et en vers*, publ. par S. Lampros. Paris, 1880, p. 239—288); «Либистр и Родамна» (*Trois poèmes grecs du moyen âge*, rec. W. Wagner. Berlin, 1881, p. 241—349), 1642 сл.; H. Pernot. *Chansons populaires grecques des XV et XVI siècles*. Paris, 1931, № 118, p. 72 и др. См. P. Kalonaros. *Op. cit.*, I, p. 102—103.

приданое³⁰ (ΓΦ, IV, 705 сл.) — 20 кентинариев старой монетой³¹, серебряную утварь (ἀργυραῖα σκεύη), сундук с одеждою (βιστιάριον), стоящий 500 литр, 36 доходных имений (κτήματα πολλὰ ἀκίνητα τριανταεξ εἰσόδων), 70 служанок, дом (οἶκος) матери невесты, ее дорогие украшения, в том числе драгоценный венец (στέφανον), всех животных (ξῶα), которые найдутся в этом доме, 400 лучших коней (πρωτεῖα), 80 конюших (στράτορας), 14 поваров, 14 булочников, 150 слуг (возможно, рабов — ψυχάρια)³²; он сулит юноше, сверх того, еще многое другое и обещает ему предпочтение (προτίμησιν) перед своими детьми (ср. Γ 1306 сл.; А 2115 сл.). При этом стратиг уговаривает будущего зятя отправиться к нему в дом и там сыграть свадьбу — иначе все подумают, что Дигенис взял невесту, лишнюю богатства, а это — «бесчестие (αἰσχύνη — IV, 727) для всех благоразумных». Но осторожный Дигенис отказывается от этого предложения — ему нет дела до богатств и до приданого девушки³³, и он везет ее сначала к своим родителям. Характерно, что Евдокия стыдится предстать перед ними без служанок и без нарядов; она упрекает за это Дигениса, которому придется теперь оправдываться за нее (IV, 808—812). Узнав о приближении сына с невестой, эмир устраивает торжественную встречу: он выезжает к ним с пятью дядьями Дигениса и тремя тысячами отроков. Они берут с собой специально приготовленные женские седла с уздечками и движутся навстречу новобрачным под звуки различных музыкальных инструментов — рогов, труб, барабанов (IV, 797 сл.). При встрече эмир спускается с коня, обнимает жениха и невесту, благословляет Дигениса; затем девушку сажают на седло, осыпанное жемчугом, возлагают на нее драгоценный венец (στέφανον), и каждый из родных жениха наделяет ее бесценным подарком (δῶρα... ὑπέριμα — 825). Снова играют рога, трубы, барабаны, кифары, и вся процессия с пением направляется к дому (831). Наступает всеобщее ликование. Навстречу выходит из дома толпа женщин — впереди бабка и мать Дигениса. Нарядные служанки (οἰκετίδες) несут цветы (ἄνθη), розы (ρόδα), миртовые ветви (μυρσίνας — 846); они ударяют в кимвалы (χειροκόμβαλα) и воспевают новобрачных. Земля устлана миртом, лавром (δάφνας), розами, нарциссами (ναρχίσσοις), ароматными цветами. Свекровь заключает невесту в объятия и с почтением вручает ей дар превосходной работы (ἔργα... ἐξάίρετα — 854)³⁴. Войдя в дом, эмир посылает шуринов с воинами и тремя тысячами отроков — они должны пригласить на свадьбу отца невесты. И вот стратиг Дука вместе с супругой, сыновьями и слугами отправляется в путь под звуки свадебных песен (ἄδοντες τὰ τοῦ γάμου); вероятно, это традиционные νοφιατικὰ τραγούδια³⁵. Навстречу стратигу выезжает отец жениха, окруженный народом; они обнимаются и идут к дому, где их ждет огромная толпа. У самого же дома (τοῦ οἴκου δὲ τὰ σύνορα — 879) их встречают с всевозможными куреньями (θυμαράτων), розовой водой (ροδόσταγμα) и другими благовониями (μυρισμάτων)³⁶; во главе встречающих — мать Дигениса. Вслед за торжественной встречей, как надлежит, устраивают пир (886 сл.). К столу подают разнообразные яства (ἐδεσμάτων), мясо

³⁰ О проίξ см. Ph. Koukouls. Op. cit., Δ', p. 84—88.

³¹ См. А. Я. Сыркин. Некоторые проблемы..., стр. 112.

³² Ср. P. Kalonagos. Op. cit., II, p. 59; См. А. Я. Сыркин. Социально-политические идеи..., стр. 136—137.

³³ Ср. P. Kalonagos. Op. cit., I, p. 119.

³⁴ По-видимому, здесь имеется в виду женское рукоделие (ср. «Илиада», IX, 390; «Одиссея», XX, 72; Феокрит, XV, 37). См. J. Mavrogordato. Op. cit., p. 125.

³⁵ J. Mavrogordato. Op. cit., p. 126.

³⁶ Они упоминаются и в других местах поэмы (ΓΦ IV, 253; VI, 38 сл., 43, 161).

всевозможных животных³⁷. Гостей развлекают мимы, флейтисты, танцовщицы. Наутро заключается договор о приданом (*προικός... τὰ συμβόλαια* — 893 сл.), которое «невозможно описать словами» (894). Стратиг дарит жениху 12 вороных коней, 12 прекрасных лошадей, столько же мулов с драгоценными седлами и уздечками, отделанными серебром и жемчугом; 12 молодых конюхов, опоясанных золотыми поясами; 12 охотничьих леопардов (*παρδοκωνηγούς* — 904)³⁸, 12 белоснежных ловчих птиц (*ιέραχας*) из Абасгии, по 12 малых (*φαλκωνάρια*)³⁹ и обычных (*φάλκωνας*) соколов, две драгоценные иконы святых Феодоров, роскошный шатер (*τένδα*), украшенный изображениями зверей, — шатер этот с шелковыми шнурами (*σχοινία*) и серебряными шестами (*πάλο*); два арабских копья (ο *κωπρίζοντα* см. выше, стр. 149) и знаменитый меч Хосрова. В то же время эмир дает девушке бесценный *θεώρητρον* (915) — так называется подарок, вручаемый отцом жениха невесте, когда та впервые открывала лицо⁴⁰. Множество драгоценных камней, золотых украшений и шелковых тканей дают ей бабка, дядя и другие родные жениха. Кроме того, Дигенис получает от тещи множество шелковых одежд (921 сл.), драгоценных поясов, четыре золототканых белых головных платка (*φακεώλια*) и шитый золотом плащ (*χαββάδην*), украшенный изображениями грифов. Старший брат невесты дарит ему десять юных евнухов (*ἀσκημάστους* — 925), младший брат — щит с копьём (928). Множество даров получает Дигенис и от остальных родичей невесты. Три месяца (931)⁴¹ справляется эта свадьба, а затем стратиг Дука вместе со своими новыми родственниками возвращается домой и справляет у себя новую свадьбу — еще веселее первой (936). Погостив несколько дней (*ικανάς ἡμέρας*) у стратига, эмир вместе с новобрачными торжественно возвращается домой (949 сл.), после чего Дигенис принимает решение уединиться со своей женой на границах и покидает дом отца. Такова картина свадьбы в «Дигенисе Акрите». Несмотря на отдельные преувеличения, она содержит немало характерных деталей, перекликающихся со свидетельствами других источников⁴². В целом схожую картину дают, несмотря на отдельные частные расхождения, и другие версии поэмы (Т 1342—1436; А 2157—2300; Э 1025—1085).

Любимое развлечение героев поэмы — как византийцев, так и арабов — охота⁴³. Эмир еще до своего перехода в христианство каждый день охотится на зверей, проявляя чудеса отваги (I, 40 сл.)⁴⁴. На пути в Сирию он ударом дубинки убивает страшного льва и приказывает спутникам вырвать у мертвого зверя клыки и когти, чтобы отдать их своему сыну (III, 91 сл.). Сам Дигенис с детства мечтает об охоте (IV, 70 сл.). Следует

³⁷ Ср. Ph. Koukoules. Op. cit., E', p. 47—62.

³⁸ См. о них: *ibid.*, E', p. 398, 414.

³⁹ Следуем толкованию *φαλκωνάρια* П. Калонароса (op. cit., II, p. 65 — *falco minor*). Дж. Маврогордато (op. cit., p. 129) переводит: «соколыничий». Ср. Ш. Дилье. Византийские портреты, вып. 2. М., 1914, стр. 338.

⁴⁰ P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 126; ср. Ph. Koukoules. Op. cit., Δ', p. 87—88.

⁴¹ Ср. «Ахиллеида», 1510 сл., «Имберий и Маргарона», 450 сл., 859 сл.

⁴² Подробнее о византийской свадьбе см. Ph. Koukoules. Op. cit., Δ', p. 70—147; ср. *ibid.*, B', I, p. 53—55 — о встрече невесты императора.

⁴³ См. Ph. Koukoules. Op. cit., E', p. 387—423.

⁴⁴ Интересные сведения об охоте среди знатных арабов передает в своей «Книге назидания» Усама ибн-Мункиз (1095—1188). В специальном прибавлении он приводит здесь несколько рассказов из охотничьего быта Сирии и Египта (см. Усама ибн-Мункиз. Книга назидания. Пер. М. Салье. М., 1958, стр. 283—320). Следует отметить, что в Сирии и Палестине XII в. нередко были случаи, когда во время перемирия мусульмане и франки совместно отправлялись на охоту. См. S. Runciman. A History of the Crusades, vol. II. Cambridge, 1952, p. 319.

отметить, что при всей гиперболичности описания первой охоты героя отдельные детали повествования отражают вполне реальные черты охотничьего быта. Так, весьма популярна была в Византии охота на медведей⁴⁵. То же следует сказать и об охоте на газелей⁴⁶ и на львов⁴⁷. Медведей и газель мальчик убивает руками, а на льва идет с мечом. На охоту отправляются с утра; к полудню же, когда усиливается жара и звери скрываются в зарослях (IV, 202 сл.), охотники омываются у источника и возвращаются домой. Охота становится любимым занятием героя. Именно во время одной из охотничьих экспедиций проезжает он мимо дома стратига Дуки и знакомится с его дочерью (Т 1107 сл.; А 1672 сл.). Охотится он и во время своей уединенной жизни: так, решив убить Максимо, он притворяется перед женой, что едет на охоту (VI, 836). В охотничьем искусстве герой не знает соперников: «Я поймаю зайца, бегущего в гору, и схвачу на лету куропатку», — говорит он Филопappу при первой встрече с апелатами (А 1624—25)⁴⁸. Уже незадолго до смерти Дигенис приводит в изумление своих гостей, с которыми он каждый день выезжает на охоту (VIII, 22 сл.); ни лев, ни олень, ни какой-либо другой зверь не мог ускользнуть от быстрого героя. При этом Дигенис не водит с собой ни собак, ни леопардов; он не садится на коня, не обнажает меч — лишь руки да ноги служат ему. Поэма упоминает и об употреблявшихся для охоты животных и птицах. Выше говорилось уже о хищных птицах из Абасгии, о разного рода соколах, о леопардах⁴⁹, подаренных Дигенису во время свадьбы (IV, 904—906)⁵⁰. Описания охоты в «Дигенисе Акрите», несмотря на явный гиперболизм отдельных сцен, — ценное свидетельство о быте византийского феодала. Вместе с тем мотив охоты характерен и для народных акритских песен⁵¹.

Другое развлечение героев — музыка. Игра на музыкальных инструментах, пение, танцы неоднократно упоминаются в поэме. Дигенис сам превосходный музыкант (*κάλλιστα δ'ἐπεπαίδευτο ἐν μουσικοῖς ὄργανοις* — IV, 399; ср. Т 1243). Приехав домой после первого свидания с Евдокией, он берет кифару (*κίθαρα* — IV, 397 сл.), сначала ударяет по струнам *φιλᾷς χερσὶ*⁵², а затем, настроив (*ἀρμολόμενος*) инструмент, играет, подпевая себе

⁴⁵ Ph. Koukoulès. Op. cit., p. 417—418; P. Kalonagos. Op. cit., I, p. 82.

⁴⁶ Ph. Koukoulès. Op. cit., p. 390, 392, 414 sq. Убийство Дигенисом оленя напоминает схожий эпизод из Генезия (Josephus Genesius. Ex ges. C. Lachmanni. Bonnæ, 1834, p. 127₅₋₈), где героем действия выступает Василий I (см. А. Я. Сыркин. Об историчности... стр. 130). Охота была излюбленным развлечением этого императора; согласно Псевдо-Симеону (Theophanes Continuatus. Ex ges. I. Bekkeri. Bonnæ, 1838, p. 699₁₆₋₂₂) и Житию Евфимия (Vita S. Euthymii. Ed. P. Karlin-Hayter. Byz., XXV—XXVII, 1957, cap. I), она стоила ему жизни. Ср. также свидетельство Продолжателя Феофана об императоре Романе II (959—963) — Theoph. Cont., p. 472₇₋₂₁.

⁴⁷ Ph. Koukoulès. Op. cit., p. 422—423; P. Kalonagos. Op. cit., I, p. 85. Ср. Ch. Gidel. Nouvelles études sur la littérature grecque moderne. Paris, 1878, p. 299—300.

⁴⁸ Ср. песню о сыне Армуриса («Об Армуре. Греческая былина византийской эпохи»). Издал, перевел и объяснил Г. Дестунис. СПб., 1877, стк. 35—36).

⁴⁹ Ph. Koukoulès. Op. cit., Г', p. 110—111.

⁵⁰ Ibid., Е', p. 388 sq.

⁵¹ В известной песне о смерти Дигениса от заколдованного оленя («Popularia carmina Graeciae recentioris». Ed. A. Passow. Lipsiae, 1860, № 516) герой убивает триста медведей и шестьдесят два льва. Об охоте Дигениса говорится и в песнях о единоборстве героя с Хароном (ср. «Recueil de chansons populaires grecques». Publ. et trad. par E. Legrand. Paris, 1874, p. 194, № 89; Σ. Ἰωαννίδης. Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζούντος. Εν Κωνσταντινουπόλει, 1870, σελ. 282, № 14 и т. д.).

⁵² Т. е., по-видимому, играет одними пальцами, без плектра, который упомянут ниже (IV, 430). Ср. роман Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофон» (I, 5). Не исключено и другое значение — игра без пения. Такое толкование предлагает

(ἔκρουε ψιθυρίζων). Отправляясь к возлюбленной, Дигенис берет кифару с собой; он снова настраивает ее и, ударяя плектром (τῷ πλήκτρῳ τε πατάσων — 430), поет сладкую песнь под окном девушки. Т 1244 сообщает интересную деталь: для струн кифары Дигенис использовал овечьи кишки (ὄϊων κλώσας ἔντερα ἐποίησε τὰς χορδὰς; ср. А 1833)⁵³. Вообще кифара — излюбленный инструмент героев поэмы. На кифарах играют при встрече новобрачных — Дигениса и Евдокии; убив дракона и льва, герой по просьбе жены услаждает ее игрой на кифаре и пением (VI, 101 сл.; ср. VIII, 96). Дигенис часто играет на кифаре после обеда, а Евдокия подпевает ему (VII, 160 сл.). Часто действие поэмы сопровождается пением; ряд отрывков здесь весьма близок к народным песням. Взволнованная стратигисса поет (ἐμελῶδει) в ожидании эмира — жениха ее дочери (II, 26). Отправляясь в Сирию, поет и сам эмир (τραγουδεῖν ἀπήρξατο — III, 21 сл.). Весьма напоминают песню слова Дигениса, впервые приблизившегося к дому Евдокии (Ἄγουρος ὅταν ἀγαπᾷ... — IV, 256 сл.). Герой сопровождает иногда свою игру пением (IV, 400 сл., 431 сл.). Ему часто подпевает жена (VI, 104 сл., ср. VII, 161) — пение ее автор сравнивает с пением сирен и соловьев (VII, 162 сл.; ср. VI, 113). Песни, славящие новобрачных, сопровождают свадьбу героя (IV, 829, 831, 848 сл., 869). Упоминались уже различные инструменты, на которых играют на свадьбе: трубы (σαλπιγγες — IV, 797, 828), рога (βούκινα — IV, 797, 827; ср. I, 330, где братья под звуки рогов возвращаются домой вместе с сестрой); барабаны (τύμπανα — IV, 798, 828), цимбалы (χειροκόμβαλα — IV, 848), флейты (αὐλῶν μελωδίας — IV, 889). В других версиях поэмы вместо кифары упоминается иногда другой струнный инструмент — тамбура⁵⁴, на которой играет герой (θαμπούρα — Т 1248, А 1837—1838, 1843, 1878; Т 1986, А 2949; Т 2103, А 3100; Т 2106, А 3103; А 4201; θαμπούρι — Э 827, 832, 1149). Кроме того, назван еще один родственный тамбуре инструмент Дигениса — λαβούτον (Э 627, 833, 858, 1142)⁵⁵.

Упоминаются в поэме и танцы: на свадьбе пирующих развлекают мимы и танцовщицы (τῶν μίμων τὰς μεταβολὰς... χορευτριῶν λιγύσματα — IV, 889—890); когда эмир возвращается из Сирии к жене и сыну, собравшиеся танцуют от радости (χορείας ἐποιοῦντο — III, 313). Нередко танцует и жена Дигениса, движения ее полны несказанной красоты (VII, 165 сл.).

Мы не будем останавливаться на многочисленных параллелях из византийских источников⁵⁶. Заметим лишь, что и в отношении деталей музыкального быта поэма перекликается с народными песнями⁵⁷.

Дж. Маврогордато (op. cit., p. 98), ссылаясь на употребление слова ἐψιλοτραοῦε: («петь без аккомпанемента») в народных песнях (Ν. Πολίτης. Ἐκλογαὶ ἀπὸ τὰ τραγούδια τοῦ ἑλληνικοῦ λαοῦ. Ἐν Ἀθήναις, 1914, № 69).

⁵³ Э 828 дает: «ὄφρων δερμάτια ἔσχισεν καὶ ἐποίησεν του τὰς χορδὰς», что, как нам кажется, является менее удачным и поздним вариантом (ср. «Гомеров гимн к Гермесу», III, 51). Впрочем, мнения ученых здесь расходятся. См. D. Hesselting. Le roman de Digénis Akritas d'après le manuscrit de Madrid. Δ, III, 1912, p. 546—547; Σ. Εανθουδίδης. Διγενής Ἀκρίτας κατὰ τὸ χειρόγραφον Ἑσκουριάλ. «Χριστιανική Κρήτη», I, 1913, σελ. 558; Ρ. Καλοναγος. Op. cit. II, p. 162—163; Ἄ. Χατζής. Ἐὐστάθιος Μακρμεβολίτης καὶ Ἀκριτής. ΒΝJ, IX, 1932, S. 291; H. Grégoire. Autour de Digénis Akritas. Byz., VII, 1932, p. 299 и др.

⁵⁴ Ср. С. Sathas, E. Legrand. Les exploits de Basile Digénis Acritas... Paris, 1875, p. 288—289.

⁵⁵ С. ИмPELLIZZЕРI (S. Impellizzeri. Il Digenis Akritas. L'epopea di Bisanzio. Firenze, 1940, p. 15) сопоставляет его с итальянским liuto.

⁵⁶ Ср. Ph. Koukouless. Op. cit., E', p. 206 sq.

⁵⁷ См., например, Г. Дестунис. Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. СПб., 1883, стр. 5, 11—13; об Армуре — стих. 118, 123 и др.

В поэме встречаются и сведения о византийской медицине. Воины обычно имеют при себе лечебную мазь (ἀλειψήα... ὅπερ φέρειν εἰώθαμεν — ГФ IV, 779—780; в Т 2624 и А 3794 речь идет о βότανον — «целебной траве»). После боя с Дигенисом Максимо омывает в реке свою раненую руку и накладывает на рану эту мазь (ГФ VI, 779). Оправдываясь перед женой, Дигенис говорит, что задержался, ибо должен был омыть руку Максимо и перевязать ей рану (πλήγην καταθήρας — ГФ VI, 829), иначе девушка умерла бы от сильного кровотечения — αἵματος ρύσιν πολλήν (Т 2674 сл., А 3844 сл.). О врачебном искусстве идет речь и в связи с болезнью Дигениса. После купания герой заболевает опистотомом (ὀπισθότομος — VIII, 36) — так называли в древности болезни, сопровождающиеся судорогами⁵⁸ спинных мышц, шеи (менингиты, столбняк и др.). Дигенис чувствует невыносимую боль в пояснице (ὀσφύον — VIII, 52), почках (νεφρούς), спине (ράχιν), во всех костях и сочленениях (ἄρμούς — VIII, 53) и зовет какого-нибудь врача из войска (VIII, 54; в Т 3148 сл. и А 4387 сл. о войске ничего не говорится). Не исключено, что упоминание это связано со временем Алексея I Комнина (1081—1118), при котором институт войсковых врачей получил более широкое распространение⁵⁹. Врач щупает пульс (σφυρμὸς ἀφαμένου — VIII, 55) Дигениса и по сильной лихорадке (ἐκ τῆς πυρέας) видит, что болезнь почти сломила уже силы героя и что конец его близок.

В поэме отразились и отдельные обычаи, связанные с выражением скорби, с оплакиванием и погребением умерших. Считая свою сестру погибшей, братья поднимают прах с земли и посыпают им головы (I, 232; ср. Т 5 сл., А 440 сл.). Боясь, что эмир заколется мечом, жена его в отчаянии рвет на себе волосы (II, 221, 237); так же выражает свое горе и покинутая неверным возлюбленным дочь Аплорравда (V, 151, 153). Оплакивая своего отца, Дигенис разрывает на себе одежду (VII, 116); собравшиеся на погребении Дигениса вырывают волосы из бороды (VIII, 214)⁶⁰. Встречаются и характерные причитания (θρήνοι)⁶¹ над телом умершего — так оплакивает Дигенис отца (VII, 119 сл.), так оплакивают и самого Дигениса с Евдокией (VIII, 215 сл., 249 сл.). Несколько раз описываются сцены погребения⁶². Братья Ирины хоронят в одной общей могиле всех убитых арабами пленниц (I, 256). Совершив должные обряды, Дигенис увозит с собой тело отца и хоронит его в храме, посвященном Феодору (VII, 150 сл.). Там же пять лет спустя хоронит он и свою мать (VII, 189 сл.). Пропев погребальные гимны, собравшиеся на похороны Дигениса и Евдокии раздают все имущество из дома беднякам — ἅπαντα τοῖς πένησι δοθέντα τὰ ἐν οἴκῳ (ГФ VIII, 236). Затем останки кладут в гроб, сложенный из пурпурного мрамора (ἐκ μαρμάρου πορφύρας — VIII, 241), и помещают его на арке (ἐπ' ἀψίδος), перекинутой через ущелье так, чтобы могилу было видно издалека. В Э 1660 сл. говорится о мосте (γέφυρα) из белого мрамора с прекрасными колоннами, который соорудил герой на Евфрате; на этом мосту он и был похоронен⁶³. После этого все поднимаются к гробнице, окружают ее, покрывают венками (στεφανώσαντες) и снова оплакивают покойников.

Ряд мелких деталей быта рассеян по тексту «Дигениса Акрита» — полный перечень их потребовал бы пересказа почти всей поэмы, и здесь

⁵⁸ Ср. Plato. Timaeus, 84 e.

⁵⁹ N. Jorga. Histoire de la vie Byzantine, t. II. Bucarest, 1934, p. 273, n. 4; P. Kalonaros. Op. cit., II, p. 118.

⁶⁰ Ср. Ph. Koukoules. Op. cit., Δ', p. 159.

⁶¹ Ср. ibid., p. 162—172.

⁶² Ср. ibid., p. 172 sq.

⁶³ См. G. Millet. Église et pont à Byzance. «Byzantina Metabyzantina», v. I, p. 2, 1949, p. 103—111.

мы лишь вкратце остановимся на отдельных примерах, главным образом из *ГФ*. Отметим характерные сцены встречи, приветствия: обращение братьев к эмиру (I, 97 сл.); обращение Дигениса к стратигу Дуке (IV, 673 сл.), к императору (IV, 1012 сл.); встреча Филопаппа с Максимо (VI, 391 сл.); почтительное обращение побежденной Максимо к Дигенису (VI, 651 сл.). После победы Константина братья целуют ему руки и голову (I, 204); после охоты отец и дядя осыпают поцелуями руки, плечи, глаза и грудь героя (IV, 190 сл.); спасенная от дракона, льва и апелатов Евдокия окропляет Дигениса розовой водой, целует его правую руку и желает ему долгой жизни (VI, 161 сл.); правую руку победителя целует Максимо, одновременно она обнимает его ноги (VI, 666 сл.).

Умоляя братьев не грозить эмиру, сестра их говорит, что не следует оскорблять гостя — *μη ἀδικηθῆ ὁ ξένος* (II, 225). Для своих гостей Дигенис отводит прекрасный гостевой дом (*τερπνὸν ξενοδοχεῖον* — VIII, 17 сл.); он всячески развлекает их пирами, охотой, купаньем⁶⁴. Во время посещения Дигенисом апелатов те предлагают ему серебряное сидение (*ἀργυρὸν σελλίον* — A 1627), сажают за чудесный стол (*τράπεζαν θαυμασίαν*); они едят, пьют и похваляются своими подвигами — сцена эта вообще характерна для акритских песен⁶⁵. Описание трапезы встречается в «Дигенисе Акрите» неоднократно. Участники первой охоты Дигениса пируют по возвращении домой (*ἐφαγόν τε καὶ ἔπιον* — T 1029; ср. A 1567, 1629). Упоминалось уже о богатом пире на свадьбе Дигениса; для своих гостей Дигенис устраивает многочисленные роскошные пиры — *πολλά τε καὶ ἐξαισία ἀριστεύματα* (VIII, 21). T 2967 сл. и A 4180 сл. дают любопытные детали о трапезе Дигениса. Любя покой и уединение, герой не позволял никому из слуг (*ὀποχείριον*) находиться рядом с ним. Вся прислуга (*ποιοῦντες τὰς δουλείας*) держалась поодаль; каждый день повара (*μάγειροι*)⁶⁶ готовили блюда, слуги (*δορέστικοι*) подавали на стол, булочники (*μάγκιτες*)⁶⁷ приносили хлеб; и когда Дигенис шел к столу, он звонил в колокольчик (*κώδωνα*) — по этому сигналу все удалялись. Один лишь мальчик-виночерпий (*οἰνοχόος*)⁶⁸; ср. *ГФ* VIII, 199) оставался и прислуживал за столом; колокольчик указывал, что ему следует делать. Дигенис с женой усаживались на ложе (*ἐπὶ κλίνης*; ср. *ГФ* VII, 165)⁶⁹. Затем входила мать героя; супруги почтительно вставали при ее появлении, и та усаживалась в кресло (*εἰς θρόνον*). После трапезы, как уже говорилось, они развлекались музыкой и танцами (*ГФ* VII, 160 сл.; A 4200 сл.)⁷⁰.

Герой неоднократно совершает омовения⁷¹. После своей первой охоты Дигенис купается в водах источника, причем спутники в знак уважения сами омывают его руки, лицо, ноги (IV, 215 сл., ср. 209); затем они пьют воду, текущую от родника⁷². На следующий день после убийства льва и дракона герой отправляется к реке, «чтобы переменить одежду, запачканную кровью» (VI, 171 сл.); Максимо омывает в воде раненую руку (VI, 778, ср. 827), а после своего грехопадения омывает, согласно

⁶⁴ Ph. Koukoules. Op. cit., B', I, p. 128—140; A', p. 428.

⁶⁵ Ср. N. Πολίτης. Op. cit., № 69; Г. Дестунис. Указ. соч., стр. 3 сл.

⁶⁶ Ср. Ph. Koukoules. Op. cit., B', p. 44 sq.

⁶⁷ Ibid., p. 19.

⁶⁸ Ibid., p. 186 sq.

⁶⁹ Это, быть может, свидетельство того, что в X в. среди знатных византийцев в качестве пережитка еще держался обычай возлежать за столом. Ср. *ibid.*, p. 167—168.

⁷⁰ Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. LIX.

⁷¹ См. об этом: Ph. Koukoules. Op. cit., A', p. 419—467.

⁷² Об этом поверье, засвидетельствованном и у других народов, см. J. Mavrogordato. Op. cit., p. 78.

обычаю, αὐτῆς τὴν παρθενίαν (Т 2652, А 3823). Купанье (ἀπὸ τῆς βαλανείου — VIII, 6) было причиной смертельной болезни Дигениса (VIII, 31 сл.)⁷³.

Ряд деталей быта содержится в поэме в связи с путешествием, с проводами отъезжающих. Отправляясь в путь с женой, Дигенис захватывает для нее дорожные припасы (ἐφόδιον — VI, 531). Сборы эмира в Сирию длятся 15 дней (II, 261): свояки желают ему счастливого пути (καλῶς εὐδωθῆναι — II, 243); его провожает большая толпа родных, которые следуют за ним на расстояние трех миль (μέχρι τριῶν μιλίων — II, 298). Согласно ГФ IV, 800, Дигениса и Евдокию встречают на том же расстоянии от дома⁷⁴.

Неоднократно выступает в поэме мотив материнского проклятья. Мать похищенной эмиром девушки грозит сыновьям, что проклянет их, если они не освободят свою сестру (I, 80 сл., 138; ср. II, 231 сл.); такова же угроза и матери эмира своему сыну-вероотступнику (II, 98, 228; III, 17). И каждый раз страх перед материнским проклятьем побеждает все другие чувства⁷⁵.

Герои нередко дают клятвы (ὄρκιοι)⁷⁶. Братья клянутся страшнейшими клятвами (ὄρκιοις φρικωδέστατοις), что вернутся домой вместе с сестрой или погибнут (I, 111 сл.); эмир клянется им «великим пророком» (I, 307 сл.), что не прикоснулся к их сестре; обещание отдать ее в жены эмиру братья также сопровождают клятвами (II, 1). Взаимные клятвы скрепляют супружеский союз (II, 193): «пусть я стану добычей зверей и хищных птиц, пусть не буду причислен к христианам, если забуду когда-нибудь любимую супругу...», — говорит отъезжающий эмир своей жене (II, 255 сл.; ср. II, 272; III, 19). «Пусть я не умру христианином, пусть не увижу благополучия, пусть не помогут мне родительские молитвы, если я когда-нибудь захочу огорчить тебя...», — уверяет Дигенис Евдокию (IV, 557 сл., ср. 577 сл.)⁷⁷. С такими же ὄρκιοις... λίαν φρικωδέστατοις обращается к дочери Аплорравда ее неверный возлюбленный (V, 85 сл., 129).

Чтобы не спорить о том, кому из них сражаться с эмиром, братья бросают между собой жребий (λαχνοῦς θεῖναι — I, 130); жребий падает на младшего, Константина. Во II книге ГФ (134 сл.) говорится о снах: Константину снится сон о соколе, преследующем голубку, и старший брат толкует его видение. Здесь можно назвать известные нам византийские снотолкователи, например патриарха Германа (ум. в 733 г.) и патриарха Никифора (ум. в 829 г.), свидетельствующие о распространности этого суеверия среди византийцев⁷⁸.

Поэма содержит и отдельные детали быта арабов. Описывается церемония приема братьев эмиром (I, 92 сл.): лишь передав ему письменное прошение (δι' ὑπομνήσεως... δεήσεως ἐγγράφου), они допускаются к эмиру. Тот восседает перед палаткой на высоком золотом троне и окружен свитой воинов. Братья трижды (?) кланяются до земли (μέχρι τρίτου ἐδάφους — 98; букв.: «до третьей земли») и почтительно обращаются к нему. Интересно, что эмир хорошо владеет греческим языком (ἀκριβῶς γὰρ ἠπίστατο τὴν τῶν Ῥωμαίων γλῶτταν — II, 115). Победенный в единоборстве, он вручает братьям свою печать (σφραγίδα — II, 209 сл.), которая дает им право беспрепятственно осматривать лагерь.

⁷³ Возможно, автор следовал здесь биографиям Александра Македонского (П л у т а р х. Александр, LXXV; А р р и а н. Анабасис Александра, VII, 25, 26), также смертельно заболевшего после купанья и умершего у Евфрата.

⁷⁴ Дж. Маврогордато (op. cit., p. 43) отмечает схожий обычай, засвидетельствованный в современном Иране.

⁷⁵ Ср. Ph. Koukoules. Op. cit., I, p. 326 sq.

⁷⁶ Ibid., p. 346 sq.

⁷⁷ Ibid., p. 340.

⁷⁸ Ibid., A, II, p. 183—184; P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 50.

* * *

С большой осторожностью следует подходить к описаниям различных памятников материальной культуры, так как часто поэма следует литературному штампу, почти дословно повторяя описания (ἐκφράσεις) позднеантичных романов. Такие описания отразились, помимо «Дигениса Акрита», и на других памятниках византийской литературы⁷⁹. Наиболее характерные примеры будут отмечены ниже.

Поэма часто упоминает о богатствах своих героев⁸⁰. Эмир, отец Дигениса, необычайно богат — πλοσιώτατος σφόδρα (I, 30); в набеге на дом стратига Антакина-Андроника он захватывает огромное богатство (I, 60). Принявшие христианство родители эмира забирают с собою в Романию свое добро — πλοῦτον τὸν ἄπειρον (III, 246). Не шесть богатств дочери стратига Дуки (IV, 265 сл.). Большое богатство (πλοῦτον πολλὸν) забирает с собою дочь Аплорравда при побеге из родительского дома (V, 89, 95, 118, 276 сл.).

Неоднократно идет речь о доме (οἶκος) героев, причем в отдельных случаях под οἶκος подразумевается, по-видимому, не собственно дом, а поместье⁸¹. Упоминается богатый οἶκος стратига, деда Дигениса (I, 57 сл.; II, 29 сл.). Перешедшим в христианство родственникам эмир отводит покои (ἐνδιαίτημα — III, 338) в своем доме. Упоминается и опочивальня (κουβούκλιν — II, 113, 143, 266) этого дома. Легендарный дом стратига Дуки (παλάτι τὸ πανθαύμαστον — A 1675, ср. T 1110; οἶκος... φοβερὸς καὶ μέγας — ГФ IV, 288) весь отделан золотом, мрамором и мозаикой⁸² (χρυσομάρμαρος... μεμουσιωμένος — IV, 268). Окна его (θυρίδες) отделаны драгоценными камнями (T 1121) и золотом (ГФ IV, 348, 585); золотом и мозаикой украшена и комната девушки, называемая «девичьими покоями» (τῆς κόρης τὸ κουβούκλιν — IV, 271, ср. 408)⁸³. Упоминается и роскошный (περιφανεῖ... πολυτίμη — IV, 712) дом жены стратига Дуки — его обещает стратиг в приданое Дигенису, причем здесь подразумевается, возможно, целое поместье, поскольку речь идет и о всех животных (ζῷα), находящихся в этом οἶκος (IV, 716). Одновременно стратиг обещает Дигенису 36 «недвижимых» имений, приносящих доход (κτήματα... ἀκίνητα τριανταεὶς εἰσόδων — IV, 710; ср. IV, 721, 896 — κτήματα). Решив выстроить себе на Евфрате жилище (VI, 844—845), герой строит роскошный дворец, окруженный садом. Описание последнего (VII, 13 сл.; ср. VI, 17 сл.; T 2702 сл.; A 3904 сл.) целиком взято из «Левкиппы и Клитопонта» (I, 1, 15) и «Дафниса и Хлои» Лонга (IV, 2), а с другой стороны, обнаруживает ряд параллелей с византийскими поэмами XIII в. — «Каллимахом и Хрисорроей», «Бельтандром и Хрисанцей»⁸⁴. Отведя воду от Евфрата, Дигенис вырастил восхитительный сад, окруженный с четырех сторон стеной из полированного мрамора (ξυστῶν μαρμάρων). Здесь цветут разнообразные деревья, повсюду свисают виноградные лозы, поднимаются тростники. Луг пестрит всевозможными цветами — нарциссами, розами, фиалками. Там водятся различные породы птиц — ручных и диких; по

⁷⁹ Ср. O. Schissel. Der byzantinische Garten, seine Darstellung im gleichzeitigen Romane. SAWW, Bd. 221, Abb. 2, 1942, S. 21 f.

⁸⁰ Ср. А. Я. Сыркин. Социально-политические идеи..., стр. 134.

⁸¹ Примеры употребления οἶκος в этом значении приводит А. П. Каждан («Формирование феодального поместья в Византии X в.». ВВ, XI, 1956, стр. 102). Подробно о византийских жилищах см. Ph. Koukoulès. Op. cit., Δ', p. 249—317.

⁸² Ср. Ph. Koukoulès. Op. cit., p. 301.

⁸³ Ibid., p. 295; P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 51.

⁸⁴ O. Schissel. Op. cit., S. 5—67.

воде плавают лебеди, на ветвях поют попугаи, а среди цветов распускают крылья павлины.

Описание дворца Дигениса (так же как и описание сада) во многом схоже с соответствующими местами аллегорической поэмы Мелитениота (конец XIII—начало XIV в.) *Εἰς σφραγίσθη* (681 сл., 824 сл., 1950 сл.)⁸⁵. Дом Дигениса выстроен из тесаного камня (*ἐκ λίθων πεπρισμένων* — VII, 44); он большой, прямоугольный, с колоннами и окнами. Потолок украшен мозаикой из блестящего мрамора, пол выложен сверкающими камнями. На верхнем этаже находятся высокие трехсводчатые комнаты (*τριώροφα . . . ὑπερῶα* — VII, 49)⁸⁶, покои⁸⁷ в форме креста (*σταυροειδεῖς* — 51). Имеются и причудливые опочивальни, состоящие из пяти отдельных комнат (*πεντακοῦβουλλα ξένα* — 51); возможно, такого же рода покои были выстроены в большом Константинопольском дворце по приказу Василия I⁸⁸. Помещения эти сверкают мрамором, а пол в них покрыт ониксами (*ὄνουχίτων*), отполированными так, что их можно принять за лед. По бокам с обеих сторон выстроены на нижнем этаже чудесные триклинии (*χαμοτρίκλινοι* — 60) с золотыми сводами; триклинии также характерны для Константинопольского дворца⁸⁹. В этих двух триклиниях золотой мозаикой (*χρυσόμουσα* — 62, 100) изображены сцены из библейских и древнегреческих⁹⁰ преданий — о Самсоне и филистимлянах, о Давиде и Голиафе, о гневе Саула на Давида. Изображаются здесь и Ахилл, Агамемнон, Пенелопа, Одиссей, Киклоп, Химера, Беллерофонт, деяния Александра Македонского, Моисея, Иисуса Навина и многое другое. Автор подробно описывает сюжеты некоторых картин (Самсон, Давид), доставлявших зрителям безмерное удовольствие (*ἄπειρον τὴν ἡδονήν* — 101). Упоминается и внутреннее помещение (*τὸ ἐντὸς ταμείον* — VIII, 61, 149) этого дома, где проводит время жена Дигениса и где она молится о его здоровье. Во дворе дома на большой площадке (*πέδιον* — VII, 102)⁹¹ Дигенис воздвигает храм (*ναόν* — 104), посвященный святому Феодору. В нем он хоронит своего отца, а впоследствии и мать. Другие версии поэмы (*T* 2730 сл., *A* 3932 сл., *Э* 1648 сл.) дают в целом схожее описание дома Дигениса, хотя и содержат ряд отличных от *ГФ* деталей.

Несмотря на близость этих описаний к позднеантичным романам, мы встречаем здесь отдельные, характерные и для византийской архитектуры детали (например *πεντακοῦβουλλα*). Вместе с тем дворец героя, как полагает А. Ксингопулос, напоминает персидские и раннемусульманские постройки⁹². В свою очередь А. Грегуар отметил здесь сходство с дворцом комматенского царя Митридата I (конец II—начало I в. до н. э.), построенным около Самосаты⁹³.

⁸⁵ Ср. J. Mavrogordato. *Op. cit.*, p. 266; H. Grégoire. *Notes on the byzantine epic. Byz.*, XV, 1940—1941, p. 100.

⁸⁶ Ср. Ph. Koukoulès. *Op. cit.*, p. 262.

⁸⁷ Следует чтению Дж. Маврогордато (*op. cit.*, p. 218) — *ἀνδρῶνα δε* (вместо *ἀνδριάντας*).

⁸⁸ Theoph. Cont., p. 335₈₋₁₀; Ducange. *Glossarium. . .*, s. v.; ср. P. Kalonagos. *Op. cit.*, II, p. 109.

⁸⁹ Ср. P. Kalonagos. *Op. cit.*, I, p. 219; II, p. 110; Ph. Koukoulès. *Op. cit.*, p. 294.

⁹⁰ См. в этой связи: K. Weitzmann. *Greek Mythology in Byzantine Art. Princeton*, 1951, p. 198 sq.

⁹¹ А. П. Каждан («Формирование феодального поместья. . .», стр. 102) считает, что под *πέδιον* здесь подразумевается «целая долина». Следует, однако, отметить, что *πέδιον* расположен не просто внутри «икоса», а *ἐντὸς τοῦ οἴκου τῆς αὐλῆς*.

⁹² Статья А. Ксингопулоса («Τὸ ἀνάκτορον τοῦ Διγενῆ Ἀκρίτα». Δ, XII, 1948, сел. 541—588) отсутствует в наших библиотеках. См. F. Dölger, A. Schneider. *Byzanz. Bern*, 1952, S. 217; ср. J. Mavrogordato. *Op. cit.*, p. LVII.

⁹³ H. Grégoire. *Le tombeau et la date de Digénis Akritas (Samosate. vers 940 après J. C.)*. *Byz.*, VII, 1931, p. 504—505.

Поэма упоминает и о других постройках. Выше (стр. 157) мы говорили уже об арке (или мосте через Евфрат), на которой был похоронен Дигенис. Недалеко от своего дома герой выстроил прекрасные покои для гостей (*τερπνὸν ξενοδοχεῖον* — VIII, 18). Нередко идет речь о палатках (*τένδα*), в которых живут действующие лица — эмир (I, 95, 309 сл.), его родичи (III, 120). Среди других свадебных подарков стратиг дарит Дигенису роскошную палатку (IV, 908 сл.). Уединившись, герой живет с женой в отдельной палатке (IV, 960; VI, 16, 170, 714, 724), а поодаль стоят палатки их служанок и слуг (IV, 962 сл.; VI, 82, 726). Упоминаются отдельные предметы обстановки — ложе (*κλίνη* — VI, 38, 83, 94), стол и сиденье (*σελλίν... τράπεζαν* — А 1627 сл.). Среди свадебных подарков Дигенису — серебряная утварь (*ἀργυραῖα σκευή* — IV, 708), сундук для одежды, стоящий 500 литр (*βιστιάριον*; ср. лат. *vestiarium* — ГФ IV, 709).

Часто описываются дорогие одежды. Возвращаясь к жене из Сирии, эмир меняет платье и надевает ромейскую одежду (*στολή... ρωμαίαν* — III, 257) — чудесный, расшитый золотом и украшенный изображениями грифов, плащ (*ἐπιλούρικον* — ср. VI, 736, 781) из фиолетового и белого шелка (*ὀξέον λευκοτρίβλαττον* — 259)⁹⁴; фиолетовый цвет и изображения грифов были весьма характерны для одежд знатных византийцев. Эмир носит белую головную повязку, украшенную золотыми письменами (*φακεώλιον χρυσόγραμμα* — III, 260)⁹⁵; на ногах его — *τᾶγγια* (III, 121), — здесь, быть может, идет речь о высокой обуви из красной кожи; такую обувь носили византийские императоры⁹⁶. Нападая на медведей, Дигенис распускает пояс (*ζωνάριον* — IV, 114)⁹⁷; из-за сильной жары он сбрасывает с себя тунику (*ὀπολούρικον*) и надевает низкую шапочку (*καμηλαυκίτζιν χαμηλόν* — 117). *Καμηλαύκιον* (ср. русск. «камилавка») назывался в Византии императорский головной убор⁹⁸. Затем он откидывает нагрудник (*περιστήθιου* — 118). Переодевшись после охоты, мальчик, чтобы освежиться, одевает тонкие накидки (*στενὰ μοχλόβια*; ср. VI, 715 — *λεπτότατον μαχλάβιν*)⁹⁹, а поверх — красную накидку с золотой каймой (*τὰς χρυσὰς τὰς ρίζας* — 221)¹⁰⁰, отделанной жемчугом (*χρυσευταὶ μετὰ μαργαριτάρων*)¹⁰¹. Воротник ее (*τράχηλον*) надушен амброй (*ἄβαρ*) и мускусом (*μύσχον*) — эти ароматы высоко ценились в Византии. Вместо пуговиц (*ἀντὶ κομβίων* — 224) здесь большие жемчужины; отверстия для застежек (*θηλύκια* — 225) обшиты чистым золотом. На ногах у него нечто вроде чулок (*τοῦβια* — 226; ср. лат. *tibialia*) — одежда, схожая с гетрами, гамашами; возможно, здесь подразумеваются штанины узких панталон¹⁰². Эти *τοῦβια* украшены изображениями грифов. На свадьбе теща дарит Дигенису зелено-белую шелковую одежду (*πράσινον λευκοτρίβλαττον* — IV, 921), драгоценные пояса, четыре белые

⁹⁴ J. Mavrogordato. Op. cit., p. 58—59; P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 125; II, p. 32; C. Sathas, E. Legrand. Les exploits..., p. 293; Ducange, s. v. *βλαττίον*.

⁹⁵ «Стратегика...», стр. 124; 29.

⁹⁶ Ducange, s. v.; E. Sophocles, s. v.; P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 27; J. Mavrogordato. Op. cit., p. 50—51.

⁹⁷ Ср. «Стратегика...», стр. 2, 11; 1134; 125.

⁹⁸ Const. Porphyg., De cerim., I, p. 73⁹⁻¹⁰. «Стратегика...», стр. 123; 29; P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 83; J. Mavrogordato. Op. cit., p. 73.

⁹⁹ По-видимому, это равнозначно *πτενὰ μαχλάμια* (A 3715), а *μαχλάμι* = *χλαμός*. Ср. P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 88, 204; II, p. 43. Дж. Маврогордато (op. cit., p. 79) соотносывает это слово с турецким *mahramas* — «a veil».

¹⁰⁰ *Ρίζαι* — *limbi vestis* (Ducange, s. v.). П. Калонарос (op. cit., I, p. 68) отождествляет: *ρίζας χρυσευτάς* = *κρυσσοῦς* («бахрома») *χρυσοποικιλτους*.

¹⁰¹ *Χόμευσις*, *χόμεωω* обозначает в поэме ювелирную отделку золотом, драгоценными камнями, эмалью. Ср. P. Kalonaros. Op. cit., II, p. 65; J. Mavrogordato. Op. cit., p. 81.

¹⁰² P. Kalonaros. Op. cit., II, p. 43.

головные повязки, украшенные золотыми письменами (χρυσογράμματα φακεώλια — IV, 922; ср. III, 260), расшитый золотом широкий плащ (καββάδην — 923)¹⁰³ с изображениями грифов на спине. Готовясь к бою с Максимо, герой одевает тончайшую накидку (λεπτότατον μαχλάβιν — VI, 715) и красную шапку (κόκκινον καμηλαύκιν — 716), по-видимому, отделанную мехом (σγουρούτζικον)¹⁰⁴. Т 2364 и А 3454 говорят о багдадском плаще (ιμάτιον βαγδάτιν).

Упоминаются в поэме и царские одеяния (βασιλικήν... ἐσθῆτα — IV, 488) — их носят некоторые женихи Евдокии. Такие же одежды дарит Дигенису император во время встречи с героем (IV, 1053). Местами речь идет о женской одежде. Просыпаясь, дочь стратига Дуки поднимается с ложа и затягивает свой пояс (σφίγγει τῆς τὸ ζωνάριον — IV, 437). На свадьбе она получает от родных жениха множество ценных фиолетовых шелковых тканей (βλαττία... ὀξέα — IV, 919). Максимо, выехавшая на бой с Дигенисом, носит шелковый плащ, отделанный бобровой шкурой (ἐπιλώρικον ὀλόσθηρον καστόριν — IV, 736, ср. 781), и зеленый головной убор (φακεωλίτζιν πράσινον — 737), осыпанный золотом. Под плащом на ней тонкий, как паутина (ἀραχνώδης — 782), хитон. Встречаются свидетельства об одежде слуг знатных вельмож. Подаренные Дигенису 12 конюхов носят золотые пояса (χρυσοζώνους — IV, 903), а на десяти евнухах — «персидская» шелковая одежда и золотые воротники (χρυσομάνικα καλὰ εἰς τοὺς αὐτῶν τραχήλους — IV, 927).

Упоминаются в поэме и некоторые украшения. Стратиг обещает дать Дигенису искусно сделанный золотой венец (στέφανον — IV, 714), осыпанный драгоценностями. При встрече новобрачных на голову невесте Дигениса возлагают драгоценный венец (IV, 823). Она получает от родных жениха множество жемчужин, золото, драгоценные камни (IV, 918). Выше говорилось уже о колечке (δακτυλίδι — ср. II, 269; IV, 364). Неоднократно идет речь и о благовониях. Воротник Дигениса надушен амброй и мускусом; описывая героя, автор говорит, что во «взгляде его был мускус» (IV, 253). Дигениса и Евдокию встречают с курениями и благовониями (ἄσμαι θυμιαμάτων — IV, 847, ср. 880 сл.); не раз упоминается розовая вода (ροδόσταμμα — IV, 881; VI, 43, 161). У ложа Дигениса и Евдокии курятся всевозможные ароматы (πέρισμα — VI, 38) — мускус, мускатный орех (νίται — 39¹⁰⁵), амбра, камфора (καμφοραί — Cinnamomum Camphora семейства лавровых), кассия (κασσία — Cinnamomum Cassia — коричное дерево семейства лавровых)¹⁰⁶.

* * *

Разумеется, историческая ценность некоторых из отмеченных свидетельств значительно снижается из-за несамостоятельного характера отдельных мест поэмы, источники которых (например позднеантичный роман) подчас не имеют прямого отношения к византийской культуре интересующего нас периода. И тем не менее приведенные выше примеры достаточно хорошо, по нашему мнению, показывают, как многообразно отразились в «Дигенисе Акрите» черты средневекового греческого быта.

¹⁰³ По-видимому, персидского происхождения (ср. перс. 'caftan). См. J. Mavrogordato. Op. cit., p. 130; P. Kalonaros. Op. cit., II, p. 66; ср. «Стратегика...», стр. 416; 426; 29.

¹⁰⁴ Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. 73, 206—207.

¹⁰⁵ Ср. Ducange, s. v. Nēt = galla muscata.

¹⁰⁶ Ср. P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 158—159; J. Mavrogordato. Op. cit., p. 164—165.

Изучение поэмы обогащает наши знания о малоизвестных сторонах жизни византийцев, оно открывает перед нами многое, чего мы тщетно стали бы искать в других письменных источниках, оставленных нам Византией. Таковы прежде всего данные о быте византийского воина — интересная и, без сомнения, самостоятельная параллель к византийским военным трактатам. Весьма важны для исследователя византийского быта сведения «Дигениса Акрита» о свадьбе, погребении, охоте, о всевозможных обычаях. Ценный материал дает поэма и для историка искусства — музыкального, изобразительного, декоративного и прикладного. Здесь описывается игра на музыкальных инструментах, монументальная живопись (мозаики), архитектура, одежда, украшения. При этом оценки и сравнения, к которым прибегает автор, несмотря на известную шаблонность, могут оказаться небезынтесными при изучении византийской эстетики.

К сожалению, следует сказать, что богатый материал византийского эпоса до настоящего времени используется историками далеко не в полной мере. Больше других привлекал текст «Дигениса Акрита» Ф. Кукулес в уже упоминавшемся нами капитальном труде «Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμὸς»; труд этот при всех своих недостатках остается пока незаменимым пособием, своего рода энциклопедией византийской жизни. Но и Ф. Кукулес использует поэму явно недостаточно. Так, он оставляет в стороне некоторые интересные данные о свадебной церемонии, об одежде, охоте, благотворительности, воспитании детей и т. д.

Напомним, что в нашу задачу не входил детальный анализ каждого такого свидетельства. Многое в этом отношении должно стать еще предметом специального исследования, и следует пожелать, чтобы специалисты, изучающие те или иные стороны византийской жизни, в большей мере, чем это было до сих пор, привлекали в своих работах данные эпоса о Дигенисе Акрите.
